

ской палеографии на фоне деятельности Международного комитета по палеографии, координирующего работу по латинской палеографии.

Рассматриваемый сборник, по мнению рецензентов, свидетельствует о том, что научная разработка ряда вспомогательных исторических дисциплин пущена на самотек. Это связано с отсутствием центра, где бы специально разрабатывались вспомогательные исторические дисциплины и координировалась исследовательская работа. Они считали, что таким центром мог бы стать сектор источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин Института истории СССР АН СССР. Однако внимание сектора заслужили только две дисциплины – генеалогия и дипломатика. Ученые высказали мнение о перспективности научной разработки вопросов палеографии, метрологии, эмблематики и других дисциплин, необходимости этой работы именно в секторе института, что позволит изжить стихийность в разработке дисциплин. В противном случае научная разработка многих вспомогательных исторических дисциплин будет отставать от Запада.

Ученые отметили, что сектору могла бы оказать методическую и практическую помощь кафедра вспомогательных исторических дисциплин Московского государственного историко-архивного института, где в течение 30 лет преподается большой цикл дисциплин, сложилась методика обучения, созданы учебные пособия и исследования, часть которых из-за отсутствия полиграфической базы не опубликована. По их мнению, другие научные учреждения и учебные заведения могли бы оказать помощь сектору в научной работе по вспомогательным историческим дисциплинам. Они высказали надежду на поддержку на страницах печати всех, кто в той или иной степени связан с вспомогательными историческими дисциплинами, историков, специалистов, работающих с рукописными документами и книгами.

Представленная информация позволит расширить источниковедческую базу по истории вспомогательных исторических дисциплин и оценке отдельными учеными некоторых направлений их изучения.

С.Н. Кустерев (Москва)

Печать гостя Гаврилы Фетиева

Исследователям с давних пор известны персональные печати представителей светских и церковных феодальных кругов русского общества XVII в. Вместе с тем, в корпусе сохранившихся сфрагистических памятников длительное время отсутствовали печати, принадлежавшие купцам и промышленникам, в том числе пожалованным высоким чином «гостя» и, тем самым, причисленным к придворному служилому купечеству. Лишь в 2000 г. Л.А. Тимошиной была опубликована печать, хозяином которой был видный предприниматель своего времени – гость Иван Данилович Панкратьев (Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1999. М., 2000. С. 416–425). До сих пор она оставалась уникальной по своей социальной принадлежности. Теперь к ней присоединяется печать гостя Гаврилы Мартыновича Фетиева.

В отличие от И.Д. Панкратьева, большей частью проживавшего в Москве, Г.М. Фетиев не стремился переезжать из Вологды и не имел в столице даже собственного дома, находя пристанище во время вынужденных приездов у своих друзей, в частности – у гостя, а затем дьяка Аверкия Кириллова или князя Ивана Мышецкого. Фетиева можно считать человеком из провинции, что вовсе не означает узости его деловых интересов. Гаврила Мартынович известен как крупный делец, управлявший значительными по размерам капиталами, состоявший в тесных отношениях с отечественными и иноземными предпринимателями (Владимир Воронин и Томас Келдерман). Исследователям он знаком и как одна из сторон в имевшем место в 1665 г. и дошедшим до рукоприкладства конфликте с греческим купцом Мануилом Ивановым и газским митрополитом Паисием Лигаридом. Подоплекой столкновения стали споры вокруг торговой сделки Фетиева с греческим торговцем, сторону которого принял состоявший в фаворе у царя Алексея Михайловича заезжий иерарх. Судебное разбирательство завершилось обвинением Фетиева, что не помешало впоследствии пожалованию его званием «гостя» (Тимошина Л.А. Греки и русские в Москве в 1665 г. // Третьи чтения памяти профессора Н.Ф. Каптерева: Материалы. М., 2005. С. 41–53).

Еще один эпизодом, в связи с которым к фигуре Фетиева привлекалось серьезное внимание, стало обвинение в 1676 г. боярина Артамона Сергеевича Матвеева в чернокнижии. Гаврила Мартынович как приятель обвиненного оказался одним из фигурантов громкого дела, впрочем, завершившегося для него без существенных дурных последствий.

Именно в промежутке между этими двумя событиями Г.М. Фетиев получил чин гостя, с каковым и фигурирует в документах, скрепленных его личной печатью. Все они датируются декабрем 1675 г. и связаны своим появлением с выполнением Гаврилой Мартыновичем своих служебных обязанностей по надзору за кружечным двором в Вологде, будучи частью переписки с должностными лицами двора вологодского архиепископа Симона.

Всего на трех памятях-отношениях Фетиева сохранились единственный целый оттиск и два фрагмента его персональной черновосковской печати. На полном экземпляре имеется изображение, атрибутирующее печать Гавриле Мартыновичу. В овал, образованный двумя изгибающимися растительными ветвями, вписана удлинённая по высоте буква «Г». Ровно на середине ее вертикальной черты прорисована буква «М» так, что вертикаль «Г» делит ее пополам. В нижней части столба буквы «Г» двумя полукруглыми обозначена буква «Ф». Все вместе составляет написание инициалов владельца печати – «Г[аврила] М[артынович] Ф[етиев]».

Сравнивая печати Г.М. Фетиева и И.Д. Панкратьева, стоит отметить относительную скромность изобразительных средств на первой из них. Если на печати Панкратьева присутствует рисунок корабля, гербового щита с инициалами владельца, а сами эти инициалы продублированы латинскими буквами, то у Фетиева никаких изысков и излишеств не наблюдается. Мож-

но даже заметить, что за скромностью изображения скрывается некий особый художественный вкус мастера, явившегося автором печати как памятника художественного. Не менее, нежели Панкратьев, связанный делами с иноземцами, Фетиев не старался отразить свою причастность к европейской культуре путем использования латинских надписей или гербовых фигур. Ограниченность примененных средств не лишает, однако, печать ее подчеркнутой индивидуальности, узнаваемости, атрибуции определенному лицу.

Весьма интересно употребление Г.М. Фетиевым своей личной печати. До настоящего времени было известно, что светские феодалы, занимая те или иные должности и составляя различные связанные с их отправлением документы, скрепляли последние своими печатями. При этом далеко не все благодаря своим изображениям могли атрибутироваться определенному лицу и воспринимались в качестве личных лишь осведомленными людьми. Такие же печати использовались для закрепления документов частноправовых, что не было актом обязательным. И.Д. Панкратьев своей печатью скреплял собственные письма, адресованные своему же приказчику, то есть в хозяйственной переписке, но примеры приложения его печати к официальным бумагам неизвестны.

Печать Г.М. Фетиева сохранилась на документах официального происхождения, адресованных вологодским церковным властям и не отвергалась ими как ненадлежащая вольность со стороны чиновного купца. Следовательно, личная печать гостя использовалась наравне с аналогичными знаками прочих должностных лиц из иного социального слоя и нахождение ее на документах признавалось правомерным со стороны инстанций, таковые документы получавших.

Синхронность первого из известных именовании Г.М. Фетиева гостем и первого же употребления им персональной печати заставляет вновь задаться вопросом о связи между получением чина и обзаведением личным знаком. Это актуально и потому, что И.Д. Панкратьев как владелец личной печати известен так же лишь в звании гостя.

С.С. Ковалёва (Москва)

Элементы сфрагистики в генеалогических источниках непривилегированных сословий XIX – начала XX в.

Средневековая русская сфрагистика в генеалогических исследованиях имеет очень большое значение, особенно как дополнительный источник недостающей информации. Печати этого периода интересны и разнообразны, они отражают жизнедеятельность высших слоев населения.

Иначе обстоит дело с документами генеалогического характера, связанными с непривилегированными сословиями. Обратимся к периоду XIX – начала XX в. Основные массовые источники при исследовании родословных непривилегированных сословий в это время – метрические книги, исповед-